

Таланта великий дар

К 75-летию выдающегося советского актера Николая Черкасова

Николай Черкасов — эпоха в нашем актерском искусстве.

Один популярный артист недавно заметил, что наше время, дескать, оскудело на могучие актерские индивидуальности, зритель все больше ходит сейчас не на актера, скажем, «на Мочалова», как раньше, а на режиссера — к Товстоногову, Ефремову. Черкасова ходили смотреть специально — будь то спектакль Ленинградского академического театра драмы имени Пушкина (бывшей Александрии Черкасов отдал более трех десятилетий жизни) или фильм. Черкасов покорял, восторгал, удивлял, его любили и ценили миллионы. Когда в блокадном сорок втором году он рвался в родной Ленинград, летчики, оберегая актера, говорили ему, что он, мол, занимает слишком много места в самолете, им же нужнее доставить лишние восемьдесят пять килограммов продовольствия. Но Черкасов все-таки попал в Ленинград, встречался с моряками Балтики, выступал; это было его вкладом в борьбу с врагом.

Многие выдающиеся мастера театра и кино считали для себя честью быть его современниками. Эйзенштейн называл его «нашим великим трагическим артистом». Довженко специально приезжал в Ленинград, чтобы увидеть Черкасова в спектакле «Жизнь в цвету». Бергман, посмотрев «Дон Кихота», мечтал снимать Черкасова в собственном фильме. Его искусством восхищались Жан Кокто, Эдуардо Де Филиппо, Питер Брук, его ценил Чаплин.

Черкасов умер еще не старым человеком, ему было бы теперь 75 лет, а прожил он из них 63... На шите кастильского идадьго — роль «Рыцаря Печального Образа» Черкасов сыграл трижды на сцене и однажды в кино — был девиз: «Всем делать добро и никому не делать зла». Искусством своим Черкасов и делал это добро, он учил правде и красоте жизни. «Самой интересной и нужной сегодня темой в искусстве, — говорил актер, — я считаю тему воспитания молодого поколения».

Сам же Черкасов воспитывался вместе со своим поколением юных участников революции, он был из тех актеров, энергии и труда которых обязаны своими первыми крупными победами совет-

ские театр и кино. Сын железнодорожного служащего, Черкасов шестнадцати лет впервые вышел на сцену, а венчает его актерскую карьеру высокое звание лауреата Ленинской премии — ею была отмечена последняя роль мастера. Академик Дронов в фильме «Все остается людям» с его нетерпимостью ко лжи, неутолимой жаждой познания, с его влюбленностью в жизнь стал своего рода завещанием великого актера.

Для будущих поколений зрителей Черкасов останется лишь актером кино, сценические его роли, к сожалению, почти не зафиксированы на пленке. И в киноролях артист Черкасов равен своему дарованию, исполненному, по замечанию Эйзенштейна, «византийской мощи». Сам актер никогда не разделял своей работы в кино и театре, не «ссорил» эти искусства. В кино снимался охотно, добросовестно и, к счастью, много.

В 1927 году, еще в период немого кинематографа, Черкасов сыграл свою первую роль в кино — парикмахера Шарля в фильме «Поэт и царь». Актер начинал как эксцентрик, клоун, при своем высоком росте, худых длинных руках и ногах он великолепно владел телом, выдвигал нелепые антрача, смешно танцевал в концертных номерах Пата. Художникам легко было рисовать на Черкасова шаржи, режиссеры видели в нем комика, исполнителя выигрышных эпизодов. Вызывал смех его Колька Лошак, нескладный недотепа из фильма «Горячие денечки». Смешил добрый и расеекный Паганель, жюльверновский путешественник в «Детях капитана Гранта», и тысячи зрителей пели тогда вслед за Черкасовым его песенку «Капитан, капитан, улыbnитесь...»

И вдруг — роль сугубо драматическая: царевич Алексей в «Петре Первом» с его истерическими интонациями, беспомощностью политика и упрямством фанатика. Черкасов показывал историческую несостоятельность притязаний царевича и вместе с тем искал в характере своего героя черты несостоявшейся человечности.

Предвоенные годы — полоса взлета Черкасова-киноактера. К нему приходит всенародное признание, особенно единодушное после выхода на

экран «Депутата Балтики».

В начале 1938 года произошла знаменательная встреча Черкасова с Эйзенштейном. Первая их совместная работа — фильм «Александр Невский», эпически-масштабное полотно, немало повлиявшее на укрепление чувства патриотизма накануне военных испытаний нашего народа. Глядя на статного, уверенного в своей правоте Черкасова — Невского, можно было верить в ратную доблесть защитников Отечества и в будущих испытаниях, что и оправдалось спустя несколько лет.

Когда-то, будучи еще мистом, юноша Коля Черкасов постигал искусство Шалапина. Подробность биографии: в «Дон Кихоте» Черкасов за Шалапина проезжал верхом на Росинанте. Но важнее другая подробность: Черкасов как бы впрок изучал трагика Шалапина, особенно его прочтение партии Годунова в «Борисе Годунове» и царя Ивана в «Псковитянке». Уроки театральной юности пригодились в работе над фильмом о Грозном. В роли Грозного Черкасов предстал как трагический актер.

Уже после войны Чаплин прислал Эйзенштейну телеграмму, где были такие слова: «Иван Грозный» — величайший исторический фильм, когда-либо созданный». Можно добавить, что роль царя Ивана в исполнении Черкасова — величайший образ исторического лица, когда-либо созданный.

Черкасов прожил в искусстве жизнь ярчайшую, это был не только замечательный артист, но и сильная, многогранная личность. Черкасову принадлежат несколько книг, в том числе фундаментальные «Записки советского актера». Они многое объясняют в счастливой судьбе Черкасова: это больше, чем автобиография. Раздумья гражданина о путях советского театра и кино, заветы величайшего труженика в искусстве, напутствие молодым. Путь самого Черкасова, конечно, неповторим. Но блестящий пример для повторения — истовость художника, самоотверженное служение своему народу, его гражданская страсть. А это залог бессмертия искусства актера века — Николая Константиновича Черкасова.

Ю. ТЮРИН.